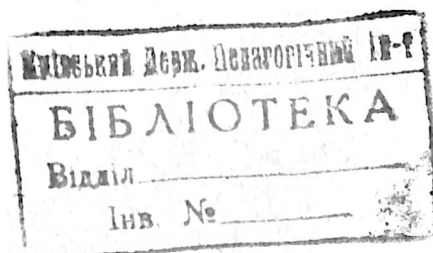

А. И. ФИЛИППОВА

ГОВОРЫ ПРИЛУКЩИНЫ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель — канд. филол. наук,
доцент Ф. Т. Жилко

Говоры юго-восточной части Черниговской области являются до сих пор весьма мало изученными. Среди них важное место занимают говоры Прилукщины — объект данного исследования.

Прилукщина, в нашем понимании, включает, кроме Прилукского района, и ближайшие соседние районы Черниговской области — Малодевицкий, Ичнянский, Иваницкий, Яблоновский и Варвинский, — население которых имеет постоянную связь с г. Прилуками — экономическим и культурным центром этой территории.

Исследуемые говоры находятся почти на границе двух наречий украинского языка (северного и юго-восточного). Изучение их дает возможность проследить на конкретном материале рост (в процессе развития) влияния юго-восточных говоров, на основании которых сформировался украинский литературный язык, на другие, прежде всего — близкие соседние, говоры.

Настоящее исследование имеет целью:

1) проанализировать наиболее характерные фонетические, морфологические и синтаксические особенности говоров юго-восточной Черниговщины (Прилукского, Ичнянского, Иваницкого, Малодевицкого, Яблоновского и Варвинского районов) в сопоставлении их с соответствующими данными говоров соседних районов (на материалах записей к ДАУ), а также данными других диалектов украинского языка (на основании предыдущих исследований);

2) изучить, в пределах возможного, развитие отдельных особенностей исследуемых говоров со времени сохранения письменных памятников этой территории в сравнении с данными других восточнославянских памятников, проследив вместе с тем отражение взаимоотношений и влияний двух соседних диалектных групп (северной и юго-восточной) в развитии конкретных говоров, и определить, исходя из этого, характер последних, их основу и позднейшие наслоения;

3) выявить особенности стирания местных черт изучаемых говоров и приближения их к общенародному литературному языку.

Материалом для исследования послужили:

1) личные наблюдения автора над большинством говоров Прилукщины, а именно: над говорами сел Заезда, Дедовец, Манджо-

совки, Охонек, Линовицы, Переволочной (Прилукского района), Иваницы, Ряшек (Иваницкого района), Яблоновки, Рудовки (Яблоновского района), Малой Девицы, Сезек, Толкачевки, Мазок и хуторов Первомайского, Петрушей, Нового Лада (Малодевицкого района) и некоторых других;

2) отдельные индивидуальные записи местных учителей и студентов (с. Голубовка, Прилукского района; Великая Девица, Малодевицкого района; Городня, Щуровка, Иваницкого района; Яблоновка и др.);

3) записи диалектологических экспедиций Киевского и Днепропетровского университетов, Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР и некоторых педвузов республики на территории Прилукского и Варвинского районов исследуемой местности и всех соседних районов Черниговской (Лосиновского, Новобасанского, Носовского, Нежинского, Комаровского, Бахмачского, Борзенского), Киевской (Згуровского и Яготинского), Полтавской (Пирятинского и Лохвицкого) и Сумской (Глинского, Талалаевского и Роменского) областей, хранящиеся в рукописном архиве Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР;

4) исторические документы территории Прилукины: Грамота киевского князя Семена Олельковича 1459 г.¹; летопись Густинского монастыря²; Перепись Прилукского полка 1666 г.³; Генеральное следствие о маетностях Прилукского полка 1729—1730 г.г. в списке 1758 г.⁴; опубликованные А. М. Лазаревским отрывки и отдельные документы (письма, жалобы крестьян и пр.) в его исторических работах⁵ и сборниках архивных материалов⁶; так называемая записная книга прилукского полковника Н. Молчана⁷ и ряд других;

5) отдельные диалектологические (с. Светличное), фольклорные и этнографические записи в населенных пунктах Прилукины второй половины 19 и начала 20 в. в., опубликованные в разных сборниках фольклорных и этнографических материалов⁸.

Автором использованы также материалы переписки жителей

¹ См. В. Розов, Украинські грамоти, т. I, К., 1928, стр. 171—172.

² Полное собрание русских летописей, т. II, СПб., 1843 (приложение).

³ Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца, кн. X., 1896 отд. III.

⁴ Там же, кн. XI, 1896, отд. III.

⁵ См. А. М. Лазаревский, Описание старой Малороссии, т. III. Прилукский полк, К., 1902; Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в 17 и 18 в.в., «Русский архив», 1875, № 7.

⁶ См. А. М. Лазаревский, Украинские исторические мелочи, К., 1901.

⁷ См. «Киевская старина», т. XI, 1855.

⁸ А. Метлинский, Народные южнорусские песни, К., 1854.

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край под ред. П. П. Чубинского, т. III, СПб., 1872; т. V, СПб., 1874; т. VII, вып. 2, СПб., 1877.

Б. Гринченко, Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях, т. III. Песни, Чернигов, 1899.

А. Малинка, Сборник по малорусскому фольклору, К., 1902 и др.

разных сел, часть ученических тетрадей отдельных школ Прилукщины, протоколы собраний и совещаний некоторых колхозов.

Диссертация состоит из 1) введения, в котором рассматриваются важнейшие вопросы, касающиеся истории заселения Прилукщины, а также истории изучения говоров этой части Черниговской области; 2) двух глав, посвященных анализу фонетических черт и грамматических особенностей исследуемых говоров, и 3) обших выводов.

К работе прилагаются: список использованной литературы, образцы исследуемых говоров и карта Прилукщины (вместе с близлежащими районами Черниговской, Киевской, Полтавской и Сумской областей).

Автор стремился не только описать наиболее характерные фонетические и грамматические особенности изучаемых им говоров, определяя распространение этих черт в говорах соседних районов и других диалектах украинского языка, но и дать к ним исторические комментарии, сопоставляя описываемые явления с фактами документов Прилукщины и других исторических памятников украинского языка, а также с фактами других восточнославянских языков и диалектов.

Введение, представляющее собой первую главу диссертации, состоит из двух разделов.

В первом разделе Введения автор рассматривает историю заселения исследуемых районов Черниговской области в связи с вопросами колонизации Левобережья, кратко освещает некоторые факты развития отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства, находящих свое отражение в языке, в частности — в лексике.

В результате изучения исторических документов и данных, добытых авторами многих исторических монографий и исследований, диссертант в вопросе о заселении Прилукщины приходит к следующим выводам:

1. Прилуки и Прилукщина известны с последней четверти II в.¹ Прилуки — как хорошо укрепленный город военного значения, Прилукщина — как территория, по тому времени достаточно плотно заселенная².

2. Коренное население сохраняется на Прилукщине, как и на большей части Левобережья, и в период татарского господства на Украине (для Прилукщины — с 1239 г. по 60-е годы 14 в.³) и в последующий период литовско-польского владычества.

¹ См. Повесть временных лет, кн. 1, М., 1950, стр. 141, 160.

Полное собрание русских летописей, т. III, СПб., 1843, стр. 14, 295.

² Кроме Прилук, здесь, по данным исследователей, изучавших историю древних поселений Украины, существовали и такие городки и селения, как Переволочная (Переволока), Варва (Варин), Сребное (Серебряный), Городня (Городок), Ярошевка (Ярышевка), Красляны (Красный), Поддубновка (Дубенец), Крайгород, Белая Вежа и др.

³ См. Історія Української РСР, т. 1, К., 1953, стр. 100, 108.

3. Не вся территория Прилукщины была заселена коренным населением одинаково плотно. Местный элемент в наибольшей степени сохранился в центральной и северо-восточной части Прилукщины¹. Юг ее (юго-запад и юго-восток) в значительной степени дозаселялся (а отдельные места заселялись) и позже².

Целью второго раздела Введения является выяснение того, какое место среди других украинских говоров отводилось в разных классификационных схемах прилукским говорам, никем специально не исследованным, и какими данными о них располагала до сих пор украинская диалектологическая наука.

Именно в этом аспекте автором сделаны в диссертации замечания по работам А. А. Потемни, К. П. Михальчука, А. И. Соболевского, И. Зильянского, Н. Дурново, Н. Соколова и Д. Ушакова, П. Гнедича, В. Ганцова и др.

В этом же разделе дается краткий критический обзор используемых в работе материалов и перечень некоторых дополнительных значков (к фонетической транскрипции, принятой в «Програмі для збирання матеріалів до Діалектологічного атласа української мови», К., 1949), применяемых в работе для более полного отображения особенностей местных говоров.

*

Вторая глава — Фонетические черты, — состоящая из двух разделов, посвящена рассмотрению важнейших фонетических особенностей прилукских говоров.

Раздел Вокализм характеризует систему гласных фонем с точки зрения артикуляции и звучания, их происхождения и звуковых соответствий в различных положениях.

Имея в наличии шесть гласных фонем (а, о, е, и, і, у), вокализм изучаемых говоров ничем не отличается по количественному составу от вокализма современного украинского литературного языка.

Отличие вокализма многих прилукских говоров от вокализма украинского языка по артикуляционно-акустической природе гласных фонем сводится к своеобразию артикуляции и звучания фонем а, и, е. Со стороны происхождения и звуковых соответствий в разных положениях отдельные гласные фонемы отличаются от фонем-эквивалентов литературного языка в различной степени.

Фонема а реализуется как гласный заднего ряда нижнего подъема. Произношение ее не зависит ни от ударения, ни от звукового окружения в слове. Она выступает в тех же положениях, в которых фонема а отмечена в украинском литературном языке.

Фонема о во всех исследуемых говорах является звуком зад-

¹ См. карту Г. Л. Боллана в издании В. Г. Ляскоронского (в книге «Гильом Левассер де-Боллан и его историко-географические труды относительно Южной России», К., 1901).

² Указанную территорию Л. В. Падалка изображает как незаселенную степь и в казачий период. См. Л. В. Падалка, Карта казачьих полков на Полтавской территории, Полтава, 1914.

него ряда среднего подъема. Отчетливо и выразительно она произносится не только под ударением, но и в безударном положении, даже при наличии узкого и высокого гласного (у, і, и) в ударном слоге (*голі́бка, чолов'я́к, окрі́н*), что сближает прилуцкие говоры с говорами северного типа.

В говоре с. Охэнек фонема *о* в соседстве с губными согласными (чаще всего в начальном слоге) сужается в произношении, приближаясь к звуку, среднему между *о*, *у* (*воуно́, поудивіло́с', Коумлі́к* и пр.), что, возможно, представляет собой реликт сильного уканья, занесенного переселенцами с западной Украины.

Подобно всем говорам северного наречия фонема *о* в изучаемых говорах, кроме общих с литературным языком положений, сохраняется и в безударных исторически новых закрытых слогах на месте этимологического *о*: *Калі́шш'ю́ка, бойц'я́, у́лажно́с'ц', дзвонка́* и т. п.

Спорадически встречается эна и на месте *е* после мягкого согласного перед твердым в ударном слоге (преимущественно у старшего и среднего поколений): *кол'бса, т'бллий, чорноз'бм, ход'омте*. Более устойчиво подобное явление в северных черниговских говорах, особенно соседних с русскими и белорусскими говорами.

Фонема *у* прилуцких говоров артикуляционно и акустически совпадает с соответствующей ей фонемой украинского литературного языка. Отличием фонемы *у* исследуемых говоров по происхождению является последовательное сохранение ее на месте общеславянского *Ѹ* и в словах *гуро́к, заму́ж, дубро́ва* (в отдельных говорах — параллельно с *ог'іро́к, за́м'іж, д'ібро́ва*), что указывает на их близость к северным украинским говорам.

Фонема *е* в подавляющем большинстве говоров только под ударением представляет собой широкий открытый гласный переднего ряда среднего подъема с позиционными вариантами *еи, ие* в неударяемом положении, отмечаемыми наряду с чаще встречающимся здесь гласным *и*.

В отдельных говорах (Ряшки, Иваница) фонема *е*, произносимая ясно и отчетливо независимо от ударения (*спеч'і́, хлб'нец', ма́тер'і́*), не имеет указанных позиционных вариантов — типическая севернодиалектная черта.

Особенностью прилуцких говоров с точки зрения происхождения фонемы *е* является наличие ее на месте общеславянского *є* (зачастую параллельно с *а*), встречающейся тем чаще, чем далее на север и северо-запад расположен говор: *девет', па́мет', глед'і́т', кол'о́дез'* и др.

Изучаемые говоры отличаются от литературного языка и многих юго-восточных говоров также отмечаемой в них фонемой *е* на место старого *ѣ* под ударением после мягкого согласного, которая сохраняется под влиянием русского языка преимущественно в речи среднего и старшего поколений (параллельно с чаще встречающимся *я*): *н'э́жни, б'э́лка, в'э́тринна, б'э́днин'ка, кр'э́нос'ц'* и пр.

В некоторых говорах (Иваница, Шуровка, Ряшки) засвидетельствована фонема *е*, представляющая собой в данном случае пере-

житочный рефлекс старого *ѣ* в неударяемой позиции северноднелектного типа: *ведрѣ, засвечѣ, у хлевѣ* и др.

Фонема *и* реализуется в говорах Прилукщины как гласный передне-среднего ряда верхнего подъема с некоторым снижением артикуляции. Позиционным вариантом этой фонемы следует считать еще более узкий оттенок этого звука (средний между *и* и *і*), встречающийся во многих прилукских говорах (*виіск, виіп, криіп, тіїк, приіс'с'е; ріікі, могііла*) и соседних с ними (новобасанских, севернопирятинских и др.). В неударяемом положении (как и под ударением) фонема *и* произносится отчетливо и выразительно.

Эта фонема в изучаемых говорах возникла в результате слияния старых *ы* и *и*, изменения старого *о* в исторически новых закрытых слогах, сужения неударяемого *е*, изредка — на месте старого *ѣ*.

Специфику прилукских говоров относительно рефлексации старых *ы* и *и* трудно определить, так как отличия в изменениях *ы* и *и* или сохранении их в говорах исследуемой территории сравнительно с литературным языком распространены и в соседних, а часто и в более отдаленных украинских диалектах и не представляют собой узколокальных черт изучаемых говоров.

Сохранение и образование нефонетического *і* в отдельных словах и некоторых группах слов (*зіімá, нііс'мо, крас'івий; с'іх, цііх; напáрн'ік, нііто́ун'ік* и др.) или в некоторых фонетических позициях (после *г, к, х: могііла, воук'і, ріік'і*) объясняется разными факторами, среди которых важное место занимают суживающее влияние на артикуляцию следующего гласного зубных согласных *и* (во многих говорах) *г, к, х*, ассимиляция гласных, влияние других говоров или русского языка.

Более своеобразной чертой прилукских и многих соседних с ними говоров (южной Черниговщины, северной Полтавщины и западной части Киевской области) Левобережья, отличающей их от юго-восточных и северных дифтонгических диалектов, является наличие фонемы *и* на месте старого *о* в новых закрытых слогах под ударением (при сохранении его в подобных слогах неударяемых). Эта фонема выступает довольно последовательно в подавляющем большинстве изучаемых говоров: *окрііп, сик, стил, домііўка, нир, чобііт, стій'ки, пійз'н'е* и др. Присущие прилукским говорам отклонения от закономерности перехода *о* в *и* в этом положении, выражающиеся в сохранении *о* в отдельных словах и группах слов или переходе его в *і* после *г, к, х* во многих говорах этой территории, объясняется действием аналогии или других фонетических закономерностей.

Учитывая данные исторических документов Прилукщины, в которых на протяжении нескольких столетий в указанном положении отмечается *у(ю)*, можно считать монофтонг *и* здесь сравнительно поздним явлением. А изредка фиксируемые в документах параллельные написания одних и тех же слов то с *и*, то с *у(ю)* свидетельствует о том, что в изучаемых говорах до 18 в. еще встречались дифтонги. Вероятно, с конца 18 в. процесс монофтонгизации их стал еще более интенсивным в результате усиления влияния юго-

восточных говоров со времени формирования на их основе украинского национального языка.

Фонема **и**, возникшая (наверное, также под влиянием юго-восточных говоров) в результате сужения артикуляции **е** в неударяемом положении (заударном и предударных 1 и 2 слогах) перед ударяемыми **а, о, у, и, і**, изредка — **е** (*ичибитат', пличо, доплиті, чичивіц'а, висил'іше, пачирк, матир'і, тибé, бирéза* и др.), свойственна, за отдельными исключениями (Ряшки, Иванница), всем говорам исследуемой территории. Явление сужения **е** до степени **и** в исследуемых говорах сравнительно позднее. В исторических документах прошлых столетий оно не отображено, встречается только в фольклорных и этнографических материалах второй половины 19 в. (реже) и начала 20 в. (чаще).

На месте старого **ѣ** фонема **и**, возникшая, вероятно, как результат взаимодействия твердых согласных и образуемого здесь звука **і** (< **ѣ**)¹, фиксируется во всех прилукских говорах (и многих соседних с ними — лосиновских, бориспольских, олишевских и др.) в ударяемом и неударяемом (чаще) положениях в отдельных словах: *видрó, ричка, витирéц', стріл'á*.

Фонема **і** прилукских говоров — гласный переднего ряда верхнего подъема, не отличающийся существенно по артикуляции и звучанию от соответствующего гласного украинского литературного языка.

Почти во всех отмечаемых нами положениях фонема **і** является новообразованием.

Чаще всего она выступает на месте старого **ѣ** в ударяемом и неударяемом положениях (*приійхала, соб'і, дв'іс'ц'і, н'іскіу* и др.), при сохранении в последнем случае в некоторых прилукских говорах следов севернодиалектной рефлексации этого звука.

О свойственной прилукским говорам в прошлом зависимости рефлексации старого **ѣ** от ударения (подобно северным говорам) свидетельствуют и факты исторических памятников Прилукщины 15—17 в. в. В документах 18 в. на месте **ѣ** все чаще употребляется **и** (= **і**) даже в неударяемом положении.

На месте старого **е** фонема **і** отмечена в прилукских говорах только в тех новых закрытых слогах под ударением, которые возникли вследствие падения **ь**: *хм'іл', н'іч, кам'інчик, ос'ін'ного* и т. д. В закрытых слогах, возникших в результате падения **ѣ**, фонема **і** в прилукских говорах выступает только в указанных Л. А. Булаховским группах слов².

Отсутствие фонемы **і** в исторически возникших закрытых неударяемых слогах, шире — зависимость рефлексации старого **е** (как

¹ См. В. М. Брахов, Характерні риси говірок трьох населених пунктів на Бориспільщині Київської області, «Діалектологічний бюлетень», вип. 2, К., 1950, стр. 25.

² Л. А. Булаховський, 3 історичних коментарів до української мови. Голосні повного утворення. Наукові записки КДУ, т. V; вип. 1, 1946, стр. 105—109.

и о) в указанной позиции от удара — типическая севернодиалектная черта — в исследуемых говорах как фонетическая закономерность теряет свою силу вследствие влияния украинского литературного языка.

В некоторых говорах Прилукщины, преимущественно южных и восточных (Озеряне, Варва, Светличное, Охонки, Малая Девица и др.), фонема *i* отмечается и на месте старого *o* в ударяемых новозакрытых слогах (*v'ín*, *dv'ír*, *n'íz*, *v'íknamí* и т. д.), причем именно этими прилукскими говорами начинается полоса говоров с *i* на месте старого *o* в указанном положении.

Во многих прилукских говорах отмечается в новозакрытых ударяемых слогах фонема *i* после согласных *г, к, х* (*k'ín'*, *z'írki'ij* и др.). В этих же говорах фонема *i* выступает после *г, к, х* и на месте древнерусского гласного *ы* (*molotárk'i*, *kozjúx'i*, *mog'íla*), где она постепенно вытесняется фонемой *и* в результате влияния на эти говоры украинского литературного языка и тех соседних говоров, которым тенденция к сужению и повышению гласного после *г, к, х* не свойственна.

Консонантизм прилукских говоров отличается от системы согласных литературного языка по количественному составу согласных и их артикуляционно-акустическим свойствам немногими особенностями.

1. Подобно многим украинским говорам различных типов прилукские говоры не имеют в системе согласных фонемы *ф*, заменяемой здесь другими согласными (*в, л, к, х*) и звукосочетаниями (*хв*, изредка — *кв*).

2. Из собственных исследуемым говорам согласных фонем отличиями от соответствующих фонем литературного языка выделяются фонемы *г, к, х* многих изучаемых говоров — отсутствием смягченных вариантов их (что объясняется иным, чем в литературном языке, исходом рефлексации старого *o* в исторически возникших закрытых слогах: *и < o* не смягчает *г, к, х*) и фонема *л* — наличием, кроме основного варианта, полумягкого оттенка полтавского типа (*b'íle*, *sóli* и т. п.).

3. Кроме отличий фонематического характера, консонантизм прилукских говоров имеет ряд особенностей в позиционных соответствиях согласных фонем, в распространении палатализации и диспалатализации отдельных фонем, ассимилятивно-диссимилятивных процессов в некоторых группах согласных и пр.

Так, во всех говорах Прилукщины отмечено смягчение шипящих перед *а* (из общеславянского *ѣ*) в некоторых формах существительных (*курч'á*, *лош'á*) и глаголов (*báč'át'*, *лиж'át'*), более устойчивое в последнем случае вследствие того, что мягкие шипящие выполняют во многих словах этого типа форморазличительную функцию (*крич'át'* — инфинитив, *крич'át'* — 3 л. мн. ч. наст. вр.).

4. До сих пор во многих говорах сохраняется диспалатализация *р* (в особенности конечного *р* основы) перед *у*, реже — *а, о* (в неко-

торых северных — в большем количестве слов, в том числе и в середине слова перед а): *пов'іру, кручкі, пісара, вичєрат', ратуват', трох* и пр.

Исторические памятники Прилукщины 17—18 в. в. изобилуют фактами, свидетельствующими о более широком распространении твердого **р** не только в конце основы, но и в середине слова. Смягчение **р** в середине слова перед **а** и другими гласными объясняется сильным влиянием юго-восточных говоров и литературного языка.

5. Ассимиляция по голосу в прилукских говорах, как и в литературном языке, охватывает в большей степени согласные на границе префикса и корня, в меньшей — корневые согласные. В первом случае чаще всего уподобляется согласный **з** (*бисплътне, бисхвостий, россупнілиц'*), в меньшей мере — **д, б** (*отставит', підтчіните, одходи* и пр.). Из корневых — наименее устойчивым является согласный **г** (*лехке, Д'іхт'ар'і*).

6. Удлинение мягких переднеязычных согласных в результате ассимиляции с ними **й** после падения редуцированных последовательно сохраняется во всех говорах исследуемой территории, подобно другим (северным и юго-восточным) говорам Левобережья: *ланкуван'н'е, змаган'н'е, пр'іс'с'е* и пр.

7. Известно более широкое, чем в литературном языке, распространение диссимиляционных изменений согласных в группах **кт > хт** (*трахтор'і, дирехтор, попрахтикійс'а*), **м + губной > н + губной** (*бонбійт' кунпан'ііа, ланпойу* и пр.).

8. Типично отсутствие в большинстве случаев приставных (протетических) согласных перед ударенным **у** (*ўлица, ўгол'л'е, ўхо* и т. д.).

Однако во многих словах в живой разговорной речи исследуемой территории как протетический воспринимается согласный **в** сложного предлога **ув** (*увн*) вследствие его перераспределения (*у вокрін, у вогон', у вокно, у Вил'воу, у Вийвана* и др.).

9. Многие прилукские говоры характеризует наличие звукосочетаний **г'і, к'і, х'і**, соответствующих сочетаниям **ги, ки, хи** других прилукских говоров и украинского литературного языка, причем территориальное распространение говоров обоих типов такое, что нельзя говорить о преимуществе тех или других в какой-то части исследуемой территории или о количественном преимуществе говоров того или другого типа на территории Прилукщины.

10. Из более мелких особенностей консонатизма разговорной речи исследуемой территории отмечены перестановки и замены согласных, пропуски разных согласных в начале, в середине и чаще всего в конце слова и некоторые другие.

*

Третья глава, в которой рассматриваются грамматические особенности прилукских говоров, также имеет два раздела:

А. Морфологические черты.

Б. Некоторые синтаксические особенности.

А. В словоизменении и изучаемые говоры отличаются следующими особенностями:

1. Свойственное ранее и довольно последовательно отмечаемое в документах Прилукщины старое фонетически измененное окончание существительных среднего рода II склонения *-'е* (< *-ьйе*) в прилукских говорах на протяжении последнего столетия постепенно вытесняется новым для этих говоров окончанием *-'а* под влиянием юго-восточных говоров и украинского языка, причем распространение этой черты обусловлено прежде всего фактором выраживания окончаний определенного морфологического разряда слов, заметным и сейчас и осознаваемым носителями этих говоров.

В говорах средней и северо-западной Прилукщины старое окончание оказалось более устойчивым и сохраняется последовательнее: *змаган'н'е, зобовй'азан'н'е* и пр.

2. Параллельно с флексией *-і* в род. пад. ед. ч. существительных ж. р. III склонения и I склонения с конечным шипящим основой сохраняется окончание *-и* (*одѣжи, грѣши, нѣчи, со́ли*), встречающееся до последнего времени во многих говорах Левобережья.

3. Окончание *-у* (*-ю*), в котором унифицировались все флексии дательного падежа ед. ч. существительных мужского рода, последовательно сохраняется только в некоторых говорах северной части Прилукщины (Иржавец, Ряшки, Иванница и др.): *бригад'іру, бат'ку* и т. д.

Во всех остальных говорах Прилукщины параллельно с флексией *-у* широко известны теперь¹ окончания *-ов'і, -ев'і* (*чолов'іков'і, Андр'ійов'і, учітилев'і*), отмечаемые чаще в существительных — названиях живых предметов. Но четкая семаснологизация окончаний в этих говорах отсутствует.

В работе отмечается интересный факт количественного преимущества в употреблении *-ов'і* (*-ев'і*) в отдельных словах в некоторых говорах (напр., *бат'ков'і*) при более распространенном *-у* в других словах.

4. Формы творительного падежа существительных ж. р. I склонения и муж. р. II скл. с основой на мягкий согласный, шипящий и *р* в результате влияния твердого склонения спорадически принимают окончания *-ойу, -ом* (чаще после шипящих и *р*): *грѣшойу, сторожом, коржѳм, сикритарѳм, нашатір'ом* и др.

Менее сильным оказалось подобное влияние в дат. пад. ед. ч. существительных муж. р. II склонения: окончание *-ов'і* в существительных подобного типа фиксируется в небольшом количестве (*Гѳрбан'ов'і, товаришов'і, злѳд'ійов'і*).

5. Сохранение в местных говорах форм именительного падежа мн. ч. с флексией *-а* в большем, чем в литературном языке, количестве существительных муж. р. II скл., по-разному возникших в

¹ К. П. Михальчук признавал наличие в этих говорах только окончания *-у*. См. «Наречия, поднаречия и говоры Южной России...», Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, т. VII, вып. 2, СПб., 1877, стр. 479.

каждом отдельном случае (*сторожѧ, погрибѧ, трудѧ, холодѧ, хлѧбѧ* и пр.), объясняется поддерживающим влиянием южнорусских говоров и русского литературного языка, где подобные формы широко известны.

6. Устойчивым во многих говорах оказалось и старое окончание им. п. мн. ч. -е существительных муж. р. с суффиксом -анин в ед. ч. (*м'їшчѧне, сел'ѧне, кий'ѧне*), вытесняемое окончанием -и вследствие стремления существительных муж. р. к унификации окончаний и под влиянием украинского литературного языка.

7. Живой разговорный язык Прилукщины сохраняет до сих пор следы когда-то сильного влияния существительных ж. р. основы на ь в род. п. мн. ч. на другие существительные: *гн'їздий, палтѧй, вербѧй, крилѧй, матирѧй* и др.

Подобные формы часто встречаются и в памятниках этой территории 17—18 в. в.

В некоторых восточных и юго-восточных прилукских говорах (Охонки, Светличное, Озеряне) более распространенным оказалось окончание -їу (*гѧлов'їу, сѧстр'їу, баб'їу*), но эта тенденция к унификации окончаний род. п. существительных по образцу существительных мужского рода выражена здесь намного слабее, чем в некоторых других украинских говорах (в особенности — празобережных).

8. Многим прилукским говорам свойственна мало известная в диалектологической литературе черта — склонение существительных мужского рода с конечным шипящим и р основы во множественном числе по образцу мягкого склонения: *трактор'ѧ, поштар'ѧм, трактор'ѧми, сторож'ѧми, на хутор'ѧх, на симінар'ѧх, у куич'ѧх* и т. д.

Выяснение природы этого явления нуждается в более детальном изучении его по говорам украинского языка.

9. В исследуемых говорах известна употребляемая при числительных *два, три, чотир'ї* параллельно с формой им. п. мн. ч. архаическая форма им. -вин. падежа двойственного числа (*по дв'ї машїн'ї, три систр'ї, чотир'ї хѧг'ї, дв'ї в'їдр'ї*), свойственная в различной степени многим украинским диалектам.

10. Параллельно с краткой стяженной формой в разговорной речи большинства населенных пунктов Прилукщины до сих пор существует как менее употребляемая нестяженная форма им. и вин. пад. ед. ч. прилагательных ж. и ср. родов и им. пад. мн. ч. всех прилагательных (*їѧрайѧ, Дон'с'кїуу, рѧзнейѧ. м'їнирал'нийї* и др.).

Более устойчивые подобные нестяженные формы указательных местоимений (*тайѧ, ц'ѧйѧ, тїуу, ц'їуу, тѧйѧ, цѧйѧ, тїїї, ц'їїї*) сохраняются даже в речи младшего поколения.

11. В подавляющем большинстве изучаемых говоров широко распространена форма именительного падежа прилагательных (в некоторых говорах — только притяжательных) и подобных им слов твердого склонения с окончанием -и (против литературного -ї): *рѧзни, стѧри, солѧни, диригїѧни, каз'ѧнни, мѧтирини, бѧт'кови* и др.

12. Наиболее устойчивой чертой местных говоров в области глагольного спряжения является наличие (за отдельными исключениями) только одной формы инфинитива с суффиксом -т' после основы на гласный, возникшей в результате потери в конце слова не под ударением признака, не играющего важной роли для морфологической характеристики слова¹: *з'б'іра́т'*, *ста́т'*, *в'іша́т'*, *ходи́т'*, *пи́са́т'* и др.

13. I лицо ед. ч. II спряжения глаголов во всех изучаемых говорах представлено формой, сохраняющей чередование согласных д-дж, ж, з-ж, т-ч, с-ш, (*буджу́*, *сиджу́*, *сижу́*, *молочу́*, *кручу́*, *ношу́*).

Параллельно с ней в отдельных южных прилукских говорах (Линьовка, Антоновка) встречается форма с непременным смягчением согласного основы (*ход'ю́*, *нос'ю́*, *трем'ю́*, *роспор'ад'ю́с'*, *віког'ю́*), возникшая здесь, по-видимому, под влиянием юго-восточных говоров.

14. В немногих прилукских говорах (Крутоярровка, Иржавец, Рудовка) отмечена характерная для юго-восточных говоров форма 3 лица ед. ч. глаголов II спряжения (б. IV кл.) без конечного -т' (*хóде*, *но́се*), причем она встречается западнее установленной ранее изоглоссы распространения этого явления², что частично отражено в диалектологической литературе последних лет³.

15. Повсеместно на территории Прилукины фиксируются без различий в употреблении две глагольные формы будущего времени несовершенного вида — аналитическая и синтетическая: *бúду* *пикті́*, *пикті́му*; *бúдим* *в'ійат*, *в'ійатимим* и т. п.

Эта черта изучаемых говоров не нова: в исторических памятниках 17—18 в. в., язык которых довольно близок к народному, при более употребляемой аналитической форме засвидетельствована в нескольких случаях и синтетическая. Параллелизм в употреблении обеих форм отмечен и К. П. Михальчуком⁴.

16. Среди глагольных форм повелительного наклонения заслуживает внимания значительная пестрота в употреблении форм в значении I лица множественного числа.

Кроме фонетически измененной старой формы с окончанием -ім (*нис'ім < нес'ьмь*) немногих глаголов, здесь зафиксированы в роли повелительного наклонения форма I лица ед. ч. настоящего времени (с окончанием -ем) и возникший в прошлом фонетический вариант ее с ударенным окончанием -ом (или -ом + те) после мягкого согласного, воспринимаемый сейчас как собственно повелительная форма: *бир'ом*, *ід'омте*, *нис'омте*, *виз'ом* и др.

Указанные формы в практике разговорной речи юго-восточной Черниговщины все чаще заменяются аналитической конструкцией,

¹ Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, К., 1950, стр. 199.

² См. Український діалектологічний збірник, кн. II, К., 1929, стр. 188—189.

³ См. Ф. Т. Жилко, Нариси з діалектології української мови, К., 1955, стр. 204—205, 208—209 (лингвистические карты).

⁴ К. П. Михальчук, указанная работа, стр. 474.

состоящей из глагольной формы **дава́й** (**дава́йте**), заключающей побуждение, и формы I лица мн. ч. будущего времени или инфинитива.

Б. Наблюдения над синтаксисом дают возможность сделать следующие выводы:

1. Синтаксический строй говоров Прилукщины в основе своей является общим с синтаксическим строем украинского литературного языка и других украинских говоров, в особенности левобережных.

2. Из рассматриваемых в диссертации синтаксических отличий прилукских говоров заслуживают внимания некоторые особенности в выражении сказуемого, прямого дополнения, определения и обстоятельств, особенности в употреблении предложных и беспредложных конструкций, сочинительных и подчинительных союзов и пр.

3. При изучении в историческом плане способов выражения сложного составного сказуемого возрастающей категорией в исследуемых говорах следует считать творительный предикативный существительного (и прилагательного) в роли именной части составного сказуемого. Об этом свидетельствует не только то, что при одном лишь глаголе-связке **назива́ц'я** (**зва́ц'я**) еще встречается в некоторых местных говорах второй именной существительного, но и факт распространения по всем говорам Прилукщины конструкции с творительным предикативным при нулевой связке настоящего времени (исключительно со значением профессии, занятия при подлежащем, обозначающем деятеля): *в'ін до́хтаром за́раз; в'ін сто́рожом на башта́ні; Зайе́ц брига́іром*. Эта конструкция не представляется нам неполной или незаконченной. Она осознается носителями говоров как закономерная, полная конструкция, близкая по своему значению к обыкновенной глагольной конструкции: *«вин шохвиром» = «вин шохвирю́је»*. Творительный предикативный в этом случае как бы подчеркивает «профессию в действии».

Как архаизм встречается в исследуемых говорах, подобно многим другим украинским диалектам, широко известная в древнерусских памятниках конструкция, в которой сказуемое согласуется с подлежащим, выраженным собирательным существительным, по смыслу, а не по форме, как в литературном языке: *на ху́тор ви́ходили б'ідн'іше насéлин'я; Тоука́чука на шведд́'кому живу́т* и т. п.

5. Для обозначения объекта действия в прилукских говорах намного чаще, чем в литературном языке, выступает родительный падеж ед. ч. одушевленных и неодушевленных существительных.

Кроме родительного партитивного, родительного «временного пользования», последовательно выступающего родительного при отрицании, как более своеобразное явление исследуемых говоров в работе отмечено употребление родительного падежа существитель-

¹ Как их называет Т. П. Ломтев. См. «Очерки по историческому синтаксису русского языка», М., 1956, стр. 267—268.

ных при «глаголах восприятия и действия»¹, встречающееся в древнерусских памятниках: *д'а́дко кувва́йки забу́йс'а*; *листоно́ши виг-л'ада́йиш? ос' доплити́ па́рки* и др.

6. Общие когда-то для всех говоров восточных славян конструкции с винительным-именительным множественного числа одушевленных существительных, которые наиболее последовательно сохранились в юго-западных диалектах, намного больше распространены (из двух параллельных конструкций) и в подавляющем большинстве прилукских говоров, в отличие от украинского литературного языка и юго-восточных говоров, где чаще встречаются конструкции с винительным-родительным указанных существительных: *хто у́тром ба́чию ут'а́га? пасу́ коро́ви, ко́н'и* и т. д.

7. В противовес украинскому литературному языку, для которого типическим является родительный принадлежности, в прилукских говорах в роли определения довольно последовательно в препозиции и постпозиции выступает притяжательное прилагательное (*Гри́ша Ма́ртин; доччи́н син* и др.), тогда как употребление родительного принадлежности представляется стилистически обусловленным или необходимым по смыслу (*уа́троуки́ — жо́нки бра́тиу*)

В исторических документах этой территории 17—18 в. в. притяжательное прилагательное фиксируется тем чаще, чем ближе язык памятника к народной речи.

8. При крайне ограниченном употреблении деепричастного оборота в местных говорах известны в роли обстоятельств условия, времени, причины и пр. «независимые деепричастные конструкции»¹, не относящиеся по смыслу к субъекту действия: *у ме́не но́ги померзли, по́ двору́ ход'а* и др.

9. Наблюдается ряд отклонений от норм украинского литературного языка и в системе предложных и беспредложных словосочетаний, выступающих в роли косвенных дополнений и обстоятельств:

а) Форме *zenivti temporis* литературного языка соответствует старая конструкция с винительным беспредложным временем: *иди́ на оди́н раз...*; *а но́ч'чу́ дру́гу нич дак так га́ука...* и т. д.

б) Вместо конструкций типа *під час (чого), за часів (чого)* для определения значительного периода времени здесь отмечены конструкции с винительным падежом с предлогом *у (у́)* или *пид*: *у вэйну́ кусо́к хл'іба до́рого сто́йаю; пид гёт'маншчину́ ус'і були коза́ки.*

в) Временное значение литературной конструкции *пид + винительный падеж* в изучаемых говорах выражается архаической конструкцией родительного падежа с предлогом *проти*: *проти́ пра́зника ж тил'ки́ й приї́хат'* и др.

г) Часы и минуты определяются винительным падежом с предлогом *у (у́)* против конструкции *о + предложный падеж* в украинском литературном языке: *А́ла приї́де у́ три часа́* и т. д.

¹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 387.

д) Устаревшая в литературном языке конструкция с предложением *к* в изучаемых говорах встречается со значением места (*туди́ к Слобод'ї*), времени (*нидготову́л'áц'ц'а к нид'їл'л'ї; ок ма́йу Іва́на кр'єпко просіли, шоб прийіхау*), цели (*оприд'їліли к росстрєлу*).

е) Широко известно в изучаемых говорах повторение предлога при определении и определяемом слове (*роскажѹ тоб'ї про Ворожкѹ про старóго*), что в литературном языке считается архаизмом.

10. Сопоставление структуры сложного предложения местных говоров и литературного языка дает основания утверждать, что существенных различий между ними нет.

Наиболее заметны отличия в способах сочинения и подчинения отдельных компонентов сложного предложения.

Отдельные паратактические и гипотактические союзы (*алє; йак-шчó, томú шчо* и др.), встречающиеся в украинском литературном языке еще с 14 в. и образованные позже, в прилукских говорах не зафиксированы. Зато здесь отмечены не характерные для литературного языка или встречающиеся там лишь изредка (в разговорной речи и просторечии) сочинительные и подчинительные союзы *да, дак, ну, но, кóтрий, йєсл'ї, атó, слúчай* и др.

Некоторые союзы своей полисемантичностью напоминают древнерусские их прототипы. Так, союз *йак* употребляется как средство связи придаточных предложений дополнительных, условных, временных, образа действия, места и некоторых других.

Интересным при этом в прилукских говорах является передвижение подчинительного союза *йак* в положение непосредственно перед сказуемым (*первий вїстрил йак дау, дак ишчє кричáла; вóл'а йак стáла...*), вследствие чего речь приобретает более экспрессивный характер.

Изучение фонетики и грамматики говоров Прилукщины, Черниговской области, дает основания сделать следующие выводы:

1. Все говоры Прилукщины, как показывают материалы исследования, в основе своей являются однотипными, несмотря на сохранение некоторыми из них отдельных своеобразных явлений, обусловленных разными причинами, среди которых важное место занимают особенности в заселении и дозаселении определенных мест этой территории и влияние других, прежде всего соседних, диалектов.

В то же время прилукские говоры не представляют собой четко очерченного диалектного массива, резко отграниченного от других украинских говоров, в первую очередь самых близких соседних. Этот тип говоров с большинством проанализированных в работе черт распространен и на территории соседних с Прилукщиной районов Черниговской, Полтавской и Киевской областей.

2. Наиболее выразительные фонетические и грамматические отклонения от норм литературного языка в исследуемых говорах представляют собой черты, свойственные и северному, и юго-восточно-

му наречиям, на границе которых они расположены, и, следовательно, не позволяют отнести их ни к тому, ни к другому из названных диалектных типов.

Изучение этих говоров в историческом плане показывает, что исконными в них являются черты севернодиалектного типа (зависимость рефлексации старых **о**, **е** в исторически новых закрытых слогах; ^{от ударения} выразительное произношение неударяемых **и**, **о**; сохранение твердости **р** в некоторых позициях; значительная употребляемость старого окончания **-е** в существительных II склонения с суффиксом **-анин**; сохранение нестяженных форм прилагательных; суффикс **-т'** в инфинитиве; наличие союзов **да**, **дак** и многие другие), тогда как остальные особенности (**і** < **ѣ** независимо от ударения; **і** < **е** в новооткрытых ударяемых слогах; сужение неударяемого **е** в произношении к степени **еи**, **ие**, **и**; параллельное употребление окончаний **-ов'і**, **-ев'і** и **-у** в дат. пад. ед. ч. многих существительных муж. р. II скл.; широкое употребление двух параллельных форм будущего времени глаголов несовершенного вида и пр.) представляют собой зачастую позднейшие наслоения, возникшие в результате влияния юго-восточных говоров.

3. О сильном влиянии юго-восточных говоров на северные в районах Прилукины (и соседних) свидетельствуют: а) отступление некоторых архаических особенностей на север; б) направление отступления фонетических и грамматических черт; в) интенсивный темп отступления (в особенности фонетических черт); г) неравномерное территориальное распространение пережитков старых фонетических процессов и архаических окончаний, а также неравномерное территориальное распространение новейших падежных и личных окончаний определенных морфологических разрядов слов во всех говорах этой территории.

4. Новые черты проявляются не только как параллельно сосуществующие со старыми, но часто как господствующие, вытеснив собой ранее характерные для этих говоров особенности.

Теперь сосуществуют, постепенно отмирая, остатки ранее характерных рефлексов старого **ѣ** (**е**, **и**), старого **е** в исторически новых закрытых слогах (**'е**) и др. с новыми, не менее существенными, чем другие, фонетическими чертами (гласным **і** на месте **ѣ** независимо от ударения, а также на месте старого **е** в новообразованных закрытых слогах ударяемых и др.), которые возникли и распространились в прилуцких говорах под влиянием юго-восточных говоров.

Правда целый ряд особенностей новейшего типа, особенно в грамматике, можно назвать именно параллельно сосуществующими в некоторых говорах со старыми. А именно: окончания существительных мужского рода II склонения в дательном падеже **-ов'і**, **-ев'і**; глагольные формы I лица единственного числа с непременным смягчением; глагольные формы типа **хѡде**, **нѡсе** и др. Это объясняется, по-видимому, большей устойчивостью грамматического строя разговорного языка определенной территории, как и вообще общенародного языка.

5. В результате влияния юго-восточных говоров в некоторых прилукских говорах образовались и такие своеобразные черты, как монофтонг и на месте старого *о* в новых закрытых слогах (ударяемых), склонение всех существительных мужского рода с основой на *р* во множественном числе по образцу мягкого склонения и др.

6. Таким образом, исследуемый нами тип говоров образовался в результате взаимовлияний говоров двух диалектных групп — северной и юго-восточной (а точнее — в результате сильного влияния юго-восточных говоров на северные), — и его можно назвать переходным типом от северных говоров к юго-восточным на северной основе.

Исследуемые говоры имеют все особенности переходных говоров: 1) можно четко определить северную основу этих говоров; 2) в них наличествуют черты северного и юго-восточного диалектных типов, причем последние проявляются не только как параллели, но и как существенные черты этих говоров с параллельно существующими остатками старых отмирающих черт севернодиалектного типа; 3) некоторые местные особенности, образовавшиеся в результате влияния одного наречия на другое, не свойственные ни северному, ни юго-восточному наречиям.

7. Направление развития современных прилукских говоров определяется украинским литературным языком, который на современном этапе развития при огромном подъеме общего культурного уровня всего населения нашей страны, влияя на местные говоры через школу, газеты, книги, радио, кино, все более расширяет свои функции — до роли общеразговорного языка на всей территории Украины.

* * *

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих работах:

1. «Деякі особливості вокалізму говірок Прилуччини, Чернігівської області», «Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту ім. Г. С. Сковороди», т. XXV. Філологічна серія, Харків, 1957.

2. «Деякі синтаксичні особливості говірок Прилуччини (південно-східної частини Чернігівської області)», «Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту ім. Г. С. Сковороди», т. XXXI. Філологічна серія, Харків, 1958.

3. «Деякі риси іменникового відмінювання в говірках південно-східної частини Чернігівщини», XI звітно-наукова сесія (секція філологічна). Тези доповідей, Харків, 1956.

4. «Характеристика морфологічних особливостей говірок Прилуччини, Чернігівської області», XIII звітно-наукова сесія (секція української мови та літератури). Тези доповідей, Харків, 1958.

5. «Особливості консонантизму прилукських говірок», XIV звітно-наукова конференція. Тези доповідей. Секція української мови та літератури, Харків, 1959.